

«ТЬМЫ НИЗКИХ ИСТИН НАМ ДОРОЖЕ нас возвышающий обман»? ¹

Евгений Ямбург, директор Центра образования № 109
г. Москвы, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук

Классическая формула А.С. Пушкина всплыла в вопросительной форме в связи с полемикой вокруг содержания школьного исторического образования. Взаимные обвинения сторон в либеральной ангажированности учебников истории 90-х годов и гипертрофии государства в готовящихся к выпуску новых учебных пособиях отражают раскол в общественном сознании. В центре дискуссии — национальный проект воспитания граждан. В этом ракурсе автор, полемизируя с самим собой, рассматривает позиции сторон.

- мифологическое коллективное сознание ● воспитательный проект
- историческая информация ● нравственное чутьё ● патриотическое сознание
- пропагандистские мифы ● ответственность ● абсолютные ценности

Мой добрый знакомый, питерский писатель А. Мелихов искренне убеждён в том, что потребность чувствовать себя красивым и значительным — базовая черта всякого народа... Обличать же и стыдить его — дело не только бесполезное, но и просто опасное, ничего, кроме озлобленности, оно не приносит... *Отнестись рационально к своим землям, к своим преданиям для народа означало бы рассыпаться при первом же испытании (выделено мной. — Е.Я.)* — ни один рациональный аргумент ничего не может сказать о том, почему одна

территория предпочтительней другой, один язык предпочтительней другого, один эпос предпочтительнее десятка других».

Звучит достаточно убедительно, если вспомнить обличительный пафос 90-х и его последствия. Все без исключения народы живут грёзами и коллективными

¹ См. также статьи автора: Ямбург Е.А. Долгий путь к диалогу. НО. 2010. № 7. С. 237–248; Ямбург Е.А. Школа и её окрестности. НО. 2010. № 9. С. 219–228; Ямбург Е.А. Штопаю ранения души (между ремонтами). НО. 2010. № 10. С. 153–162.

фантомами. Тронь одну иллюзию — посыплотся все остальные. Следовательно, людям, облечённым властью, осознающим свою ответственность за державу, ничего другого не остаётся, кроме как поддерживать мифопоэтическое коллективное сознание. Отсюда нашумевший проект «Имя России» и другие подобные ему, подчёркиваю — педагогические, а не исторические передачи. Что с того, что замечательный русский историк В.О. Ключевский пришёл к выводу: жития святых так же похожи на биографию, как икона на портрет. В своей статье «Запоздалая тень победы» (Новая газета. 7 мая. 2010 г.) философ Г.С. Померанц, прошедший фронт, раненный под Сталинградом, вспоминает, как после войны в концлагере его соседом по бараку оказался историк Альшиц. Листая свод летописи, он натолкнулся на приписку, сделанную мелким почерком, о боярском заговоре. Экспертиза установила авторство Ивана Грозного. Так и продержался этот мнимый заговор четыре века. На следствии Альшица обвинили в пародии на процессы тридцатых годов. Вот уж, воистину, на ворах и шапки горят.

Но и раньше ситуация с оценкой прошлого была не лучше. В середине XIX века Сенковский опубликовал перевод саги, в которой убийцы, нанятые Ярославом, рассказывали, как они прикончили Бориса и Глеба. Нашёлся только один историк (Погодин), который считал необходимым отредактировать житие Бориса и Глеба. Церковь настояла на незыблемости памятника, запечатлённого в сердцах, а стало быть — на незыблемости ложного обвинения Святополка. Если средневековые сюжеты вызывают такую охранительную реакцию, что говорить о событиях, близких нам по времени. Боязнь, что рациональное отношение к своим преданиям приведёт к утрате идентичности, издавна пронизывала государственную воспитательную политику.

Таковы прагматические основания огосударствления прошлого в школьных учебниках. Авторы воспитательного проекта испытывают страх перед дезинтеграцией России. В силу многих внутренних и внешних причин такая

опасность действительно существует. Но именно она заставляет внимательно прислушаться к аргументам противоположной стороны.

Английский историк Пол Томсон справедливо заметил, что для политиков прошлое — рудник для добычи символов в собственную поддержку, как-то: имперских побед, мучеников, викторианских ценностей, голодных маршей. Здесь сразу же возникают вопросы: в чьих интересах ведётся разработка исторических пластов? Как отделить клановую заинтересованность правящей элиты от общенациональных интересов, когда временами они то совпадают, то расходятся? Последний не всегда поддаётся исключительно рациональному анализу, особенно в кризисные периоды, когда страна находится на грани катастрофы, а во главе её такой же монстр, как и у руля государства, несущего ей уничтожение. Именно в такой момент в 1941 году родились пронзительные строки поэта Н. Глазкова:

Господи, спаси Советы,
Охрани страну от высших рас.
Потому что все твои заветы
Гитлер нарушает чаще нас.

Здесь не время и не место вдаваться в оценку исторической роли И. Сталина, занявшего почётное второе место в проекте «Имя России». Важна его востребованность в общественном сознании. Разумеется, консервативная традиция, в очередной раз набирающая силу, опирается в первую очередь на заветную вековую мечту правящей российской элиты (в каком бы веке она ни действовала): попытаться как-то сочетать технологические выгоды просвещения, позволяющие не отстать от Запада, с рабством в экономике и политике. Этот национальный проект дважды проваливался (в 1917 и в 1991 г.), но искус его реанимации остался не только в мечтах правящего класса, но и, что гораздо более значимо, в мифопоэтическом сознании людей.

На первый взгляд, эффективным менеджерам грех не опереться на эти глубинные пласты сознания. Ничего личного — голый расчёт, опирающийся на знание психологии и чаяний своего народа. Но честный прагматизм, очищенный от примитивных инстинктов корысти и властолюбия, диктует иную позицию. Воспитание народа не имеет ничего общего с потаканием национальному нарциссизму. В этой трудной неблагодарной работе ключевая роль принадлежит школе.

В романе Гюнтера Грасса «Моё столетие», за который он получил Нобелевскую премию, есть примечательный эпизод. 9 ноября 1989 г. рухнула Берлинская стена. В Германии — бурное ликование по поводу того, что немцы наконец-то объединились. А в это время учитель истории рассказывает детям о том, что произошло в этот день пятьдесят один год назад: «хрустальная ночь», когда одновременно по всему рейху разбивали витрины еврейских магазинов. Учитель нашёл-таки время и место для печального повествования. Он занял под свой рассказ много уроков истории, чем вызвал недовольство родителей. Но когда они пришли к учителю для выяснения отношений, он ответил буквально следующее: «Ни один ребёнок не может правильно воспринимать падение стены, если не будет знать, где и когда началась несправедливость, которая в конце концов привела к разделу Германии». И тут все родители кивнули в знак согласия. Похоже, что такого жеста нам придётся долго дожидаться. А до той поры от учителей потребуются изрядное интеллектуальное мужество.

— Если я правильно понял, то, с твоей точки зрения, главное в решении задачи воспитания историей — быть верным фактам и документам, рассказывая юношеству, как всё было на самом деле.

— А как же иначе? Ещё В.М. Шукшин вывел формулу: нравственность есть правда. Помнишь его нашумевшую статью с таким названием?

— Я не убеждён в воспитательной эффективности этой формулы. К середине девяностых годов прошлого века было опубликовано такое количество свидетельств и документов, разоблачающих мифы прошлого, что одно это должно было привести к невиданному нрав-

ственному возрождению. Ничего подобного не произошло. Точнее сказать, на смену одним мифам пришли другие, что, между прочим, соответствует глубинной природе мифа. Миф нельзя отменить, его можно лишь заменить иной, новой сказкой. Если у людей нет потребности знать правду, навязать её невозможно.

— Неужели всё так безнадежно?

— Нет, но я хочу сказать, что дело не только в объёме и качестве доступной исторической информации (её с избытком в Интернете), а в целенаправленном развитии у детей и юношества нравственного чутья, позволяющего отличать правду от лжи, защищающего молодого человека от манипуляций его сознанием.

— Звучит интригующе, но хотелось бы на конкретном примере убедиться, что такое нравственное чутьё спасает человека, даже не обладающего всей полнотой информации.

— Пожалуйста, но для этого тебе придётся, набравшись терпения, выслушать мой рассказ, который я озаглавил:

«Коктейль Молотова» и патриотический запал в зеркале русской поэзии

— По-разному люди оставляют свой след в истории и мифологии. Нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов в сознании миллионов людей планеты прочно ассоциируется с бутылками с зажигательной смесью: «коктейль Молотова» (англ. Molotov cocktail), а для «продвинутых пользователей» истории ещё и с пактом Молотова — Риббентропа. Подписание международных договоров — прямая обязанность главы внешнеполитического ведомства, но какое отношение нарком иностранных дел имел к простейшему средству борьбы с танками?

Но мифы не возникают на пустом месте. 30 ноября 1939 года Советский Союз нападает на Финляндию, предварительно устроив провокацию, обстреляв собственную пограничную заставу. Этот нехитрый приём в сентябре того же года использовали и нацисты для обоснования нападения на Польшу. В разгар войны Хельсинки подвергался постоянным бомбардировкам советской авиации. Между тем Молотов в одном из выступлений заявил, что Советский Союз осуществляет не бомбардировку Финляндии, а доставляет продовольствие голодающим финнам. Финны немедленно стали называть авиационные бомбы «корзиной для пикника Молотова», а касетные бомбы — «хлебницами Молотова». Со своей стороны финская армия стала называть бутылки с зажигательной смесью (до этого «*polttorullo*», или дословно «горящая бутылка») «коктейлем Молотова». Позднее это финское изобретение было использовано на фронтах Великой Отечественной войны, чтобы восполнить нехватку противотанковых орудий в Красной армии. Но в целом эффективность «бутылочных атак» против бронетехники оказалась невелика. Для поражения двигателя необходимо попасть в вентиляционные решётки сзади башни. Немцы стали закрывать вентиляционные решётки рабицей. Благодаря этому бутылки пружинили и, не разбиваясь, скатывались с танка.

Но вернёмся к непосредственным обязанностям наркома. Подписанный им в августе 1939 года договор с гитлеровской Германией с некоторых пор вновь стал рассматриваться как могучее оружие в борьбе за патристическое воспитание молодёжи и действенное средство для отражения идеологических атак со стороны западных фальсификаторов истории. Боюсь, что против «супостата внешнего» и эта очередная «бутылочная атака» окажется малоэффективной, поскольку защищён он могучей бронёй опубликованных документов, но опалить собственное юношество горячей смесью, состоящей из пропагандистских мифов, замешанных на откровенной лжи, мы имеем все основания. Любопытно, что пресловутый «коктейль» воспламенялся с помощью

запала, состоящего из серной кислоты, бертолетовой соли и сахарной пудры.

Начнём с сахарной пудры. Поздней ночью на одном из молодёжных каналов две популярные теледивы обсуждают пакт 1939 года, имея весьма приблизительное представление о тех событиях. Недостаток знаний с лихвой компенсируется убеждённости в правоте нашего дела. «Я считаю, — заявляет одна из них, — что, введя войска, мы оказали неоценимую помощь полякам». Вероятно, в порядке шефской помощи решением от 5 марта 1940 года была уничтожена элита польского общества. Не только, как принято считать, офицеры, но и представители духовенства, крупной буржуазии, почтовые и государственные служащие, интеллигенция. Все эти категории были определены ещё до 17 сентября 1939 года (начало вторжения Красной Армии на польскую территорию).

При войсках фронтов Красной армии были оперативно-чекистские группы, состоявшие из нескольких сотен человек каждая. И им ещё до 17 сентября было спущено указание: проводить среди всего населения занимаемых местностей селекцию, «чистку», заключать в отдельные места, отделяя от всех остальных, определённые, перечисленные выше, группы польского населения. Именно они и были уничтожены решением от 5 марта 1940 года не только в Катьни, но и в посёлке Медное под Торжком, также под Харьковом. Грустно проводить параллели, но куда от них деться? В германском вермахте, когда он наступал в глубь территории Советского Союза, за войсками шли команды, состоявшие из представителей спецслужб, проводившие «чистку» занятых территорий. Назывались они «зондеркоманды».

— Стоит ли обращать внимание на безответственную болтовню медийных девушек, когда с высокой международной трибуны премьер-министр дал исчерпывающую нравственно-политическую оценку тех драматических событий: «Важно понять, что любое сотрудничество с экстремистами, а применительно ко Второй мировой

войне — с нацистами и их приспешниками, чем бы это сотрудничество ни мотивировалось, ведёт к трагедии. По сути, это и не сотрудничество вовсе, а сговор с целью решить свои проблемы за счёт других».

— Стоит, ибо надо отдавать себе полный отчёт в том, что молодые, красивые, успешные телеведущие для подавляющей части тинейджеров более убедительны, чем даже первые лица государства, не говоря об учителе в старом потёртом пиджаке, в их глазах неудачнике по определению.

Гламурная сахарная пудра соседствует в запале патриотизма с серной кислотой, разъедающей память. На недавней экскурсии наших школьников в посёлок Медное, что близ Торжка, экскурсовод ни словом не упоминает о расстрелянных там 6900 поляках — то ли установку такую получил, в связи с обострением международной обстановки (европарламент поставил знак равенства между фашизмом и сталинизмом, да и поляки не успокаиваются, требуя извинений), то ли искренне не хочет очернять светлый образ Родины.

Ответственность

Мы путаем веру отцов и вражду отцов друг к другу, духовность и клерикализм, подвиг народа и преступления режима. Тем временем в жизнь вступают новые поколения, не желающие принимать на себя ответственность за прошлое. «Живи на яркой стороне» — призывает модный слоган, «не грузи себя лишними проблемами». И сегодня многих молодых в равной степени мало интересует и то, «как наши деды воевали», и то, «как наших дедов забирали». Славянофил А.С. Хомяков, которого трудно упрекнуть в недостатке патриотизма, русофобии и прозападных настроениях, в 1844 году внятно выразил свою позицию:

Не говорите: «То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! Этот грех — он вечно с нами,
Он в вас, он в жилах и крови.
Он сросся с нашими сердцами —
Сердцами мёртвыми к любви.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

— Теперь понятно, что ты подразумеваешь под развитым нравственным чутьём, которое позволяет правильно ориентироваться в жизни, даже если не знаком во всех подробностях с происходящими событиями. Но ведь таких людей, что ощущают внутреннюю связь абсолютных ценностей: истины, добра и красоты, — единицы. Как правило, это художники, поэты, мыслители, о которых неизвестный у нас выдающийся педагог и философ И.И. Лапшин написал в эмиграции: «И великие философские изобретения удостаивались премий, но главным образом в виде цикуты, костра или тюремного заключения». Обычному рядовому человеку это нравственное чутьё в любую эпоху лишь осложняет жизнь, мешает адаптации.

— Адаптации к чему? Мешает жить, как сказал Салтыков-Щедрин, «применительно к подлости»?

— Ещё один художник, поплатившийся ссылкой за свою независимую позицию. Но я о праве на счастливое неведение обывателя, коих большинство.

— А я думаю, что существует нерасторжимая связь между коллективным мифотворчеством, отсутствием нравственного чутья и несчастьями рядового обывателя, даже если об этой взаимосвязи он сам не имеет ни малейшего представления. Моё убеждение только укрепилось этой зимой в Германии.

Мифотворчество

— В канун католического Рождества я вместе с группой своих учителей оказался в городе Бремене. С одной из школ этого города, работающей над проблемой инклюзивного образования (совместного обучения здоровых детей и детей с ограниченными возможностями), нас связывают давние партнёрские отношения. Днём мы были на уроках своих немецких коллег, участвовали в дискуссиях, обсуж-

дали пути интеграции инвалидов в сообщество здоровых школьников. Вечером — свободное время.

В годы войны город Бремен не подвергся бомбардировкам союзников, уцелели все, до единого, исторические здания и памятники. Вечерами в рождественскую неделю он производил сказочное впечатление — звон колоколов костела на центральной площади, волшебная иллюминация, деликатно подчёркивающая красоту и своеобразие каждого здания, уличные оркестры, исполняющие классический репертуар, праздничные базары, в толчее которых не ощущалось ни малейшего раздражения и агрессии, несмотря на длинные очереди за сосисками и грогом. Спокойные, доброжелательные, уверенные в себе люди в праздничном настроении в ожидании чуда.

Разлитое в морозном воздухе благодушное настроение постепенно передавалось и мне, но немедленно улетучилось на соседней с центральной площадью средневековой улочке. На её брусчатке расположился ещё один уличный музыкант с аккордеоном. Музыкант вошёл в образ, приосанился, и зазвучала знакомая с детских лет песня: «Мы парни brave, brave, brave...». Проходящие мимо бюргеры бросали деньги. Меня как по сердцу полоснуло — brave парни не побиваются на улицах побеждённых городов. Предвижу упрёки в излишней сентиментальности, но меня, с детства впитавшего эти песни, воспитанного на лейтенантской прозе Бакланова и Васильева, стихах фронтовых поэтов, такая деталь рождественского праздника унизила.

— Вопрос, почему побеждённые живут лучше победителей, новым не назовёшь. Тема неоднократно освещалась в научной литературе и публицистике.

— Я о другом, о формировании конструктивных эмоций. Унижение и досаду, испытанные мной на улице Бремена, к таковым не отнесёшь, поскольку за ними неизбежно

крадётся зависть и плохо скрываемая ненависть к более успешным в организации своей жизни народам. Комплекс исторической неполноценности неизбежно рождает антизападные настроения, которые, в свою очередь, ловко используют политические манипуляторы в своих корыстных интересах. Когда же, наконец, мы осознаём, а главное, примем сердцем, что изживание коллективных мифов не провокация, замысленная зловерными интеллектуалами с целью растления души народа, а насущная практическая задача, не решив которую, невозможно обустроить свою жизнь достойным образом?

— Для этого требуется время, если, конечно, оно нам отпущено.

— Необходимость временной дистанции для переосмысления прошлого не вызывает сомнений, но почему тогда даже обсуждение преданий седой древности переходит у нас в ожесточённые политические дискуссии такого накала и интенсивности, будто речь идёт о событиях вчерашнего дня?

— Люди держатся за сказки и небывлицы, поскольку боятся потерять себя. Это проблема идентичности, которая требует отдельного серьёзного разговора. Мифопоэтическое сознание — такая же духовная реальность, как аналитическое мышление. Первое, затрагивающее глубинные ментальные эмоции, — массовое, второе — доступно не всем. Но, откровенно говоря, я слабо верю, что сюжеты, связанные, к примеру, с мифическим боярским заговором времён Ивана Грозного, сильно волнуют современного топ-менеджера или шахтёра. Просто всегда находятся люди, профессионально разжигающие страсти, с целью нажать на этом политический капитал. Но время, если ему сознательно не мешать, лечит любые исторические травмы, в чём я убедился, участвуя в дискуссии со своими коллегами — шведскими учителями истории.

Историческое образование

Ещё задолго до перестройки я оказался участником дискуссии, темой которой было историческое образование школьников и его воспитательный потенциал. Многие тогда в подходах шведских коллег вызвало у меня удивление и недоумение. Особенно поразили их школьные учебники, где в спокойных тонах подробно описывалась победа Петра под Полтавой. Позднее я узнал, что в Швеции победителю императора Карла XII даже воздвигнут памятник. Как же так? Памятник виновнику национальной катастрофы? Антипатриотично. Коллеги объяснили свою позицию, которую впоследствии в своей книге предельно внятно выразил шведский историк Петер Энгмунд: «Победы зачастую склоняют к самоуспокоенности и консерватизму, тогда как неудачи подталкивают к пересмотру взглядов и развитию. С точки зрения краткосрочных последствий, битва под Полтавой обернулась для шведов катастрофой, однако в долгосрочном плане она, как это ни парадоксально, принесла определённую пользу. В начале XVIII века Швеция вынуждена была тратить огромные средства на содержание военного сектора, который был слишком тяжким бременем для хозяйства страны. Развал империи нанес удар по национальной гордости шведов, однако благодаря ему они избавились от этого бремени. Как ни странно это звучит, можно сказать, что одна из дорог, приведших к сегодняшнему богатству и преуспеванию в Швеции, брала начало именно там, на равнине под Полтавой»².

Отечественная реальность

— Опасная аналогия, ты, надеюсь, не забыл, как на твоих глазах на улице в самом начале девяностых распоясавшиеся молодые подонки бросали в лицо убелённым сединами ветеранам: «Мы вас не просили побеждать. Завоевала бы нас Германия, пили бы сегодня качественное немецкое пиво». Ты же сам тогда, собрав в кулак всю свою волю и профессиональную выдержку, с трудом удержался от того, чтобы не «съездить по физиономиям» этих ниспровергателей мифов. К такому пересмотру истории Отечества ты призываешь?

² Энгмунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 2009. С. 7–8.

— Не надо передёргивать. Любая историческая аналогия хромает, тем более вырванная из контекста. Такая безобразная реакция разнузданных юнцов, во-первых, — закономерный результат топорной пропаганды прошлых десятилетий, делавшей ставку на возвеличивание побед, без обсуждения той чудовищной цены, которая за них была заплачена; во-вторых, следствие циничной эксплуатации победы в конъюнктурных прагматических целях. Вспомни хотя бы лозунг (сейчас бы сказали «слоган»), призывавший молодёжь работать «за себя и за того парня», который не вернулся с войны. А спекуляция на пережитой народом трагедии, позволявшая терпимо относиться к любым лишениям («лишь бы не было войны!»)?

И наконец, когда рухнул советский строй, рынок наводнили банки импортного пива, а ограбленные денежной реформой старики вышли с красными флагами на улицы, ОМОН (другие молодые люди) не стеснялся разгонять их демонстрации, применяя дубинки. Избиение с удовольствием транслировало свободное телевидение — ещё бы, новое прогрессивное добро должно быть с кулаками. Какой ещё реакции молодых ты ожидал при стечении таких воспитательных воздействий на их сознание? Отжившие свой век ветераны были в их глазах помехой поступления на рынок импортного пива — зримого символа долгожданных наступивших перемен. Их мечты, наконец, начали сбываться. Вспомни гимн молодёжи перестроечных лет, провозглашённый их кумиром Виктором Цоем: «Мы ждём перемен». И дождались. А тут какие-то старики путаются под ногами.

— Прости за провокационный вопрос, но я задал его не без умысла. Сегодня, когда маятник резко качнулся в другую сторону — в сторону насаждения державного стиля, его оппонентов, сторонников вдумчивого переосмысления прошлого, урезонируют именно такими картинками из недавнего прошлого. Тронь один миф —

и рассыплется вся конструкция, и тогда у молодёжи не останется ничего святого за душой.

— При таком патерналистском подходе этот маятник вскоре вновь качнётся в противоположную сторону с ещё более разрушительными последствиями. Замечательный русский философ Владимир Соловьёв не зря в своё время обозначил лестницу, ступени которой ведут любой народ к краху: *самосознание — самодовольство — самообожание — саморазрушение*. Тебе не кажется, что, пока не поздно, имеет смысл вернуться на первую ступень?

— Хорошо бы ещё знать, как это сделать.

— С максимальной осторожностью, не травмируя психику взрослого населения и юношества кавалерийскими наскоками, дискредитировавшими себя практикой истекших десятилетий.

— Для этого необходимо честно, без приемыши политической конъюнктуры отнестись к понятию патриотизма.

Патриотизм

— *Патриотизм для меня — чувство гордости и стыда за своё Отечество в равных долях. Любому народу есть чем гордиться и чего стыдиться. У всех без исключения государств есть свой «скелет в шкафу».* Поляки в то самое время, когда немецкие и советские танки по преступномуговору двух тиранов входили с разных сторон на их территорию, в местечке Едвабне зверски уничтожали евреев. Не по приказу немцев, а, как сказал поэт, «по велению польского пылкого сердца» (А. Городницкий). Но зверство одних истязателей не оправдывает преступлений других палачей, виновных в Катынской трагедии 1940 года. Подлинная патриотическая позиция, направленная на самоочищение, не ищет удобных оправдательных мотивов совершённых преступлений. Дело поляков — дать честную оценку своим злодеяниям, наша задача — дать честную оценку своим.

В воспитании гордости за своё Отечество совершенно не обязательно опираться на

мифы. Что с того, что число панфиловцев в несколько раз превышало мифическую цифру «двадцать восемь», а значительную часть погибших на Волоколамском направлении бойцов составляли узбеки, набранные в республике, где формировалась дивизия? Разве эта правда оскверняет память погибших героев?

Разумеется, педагог обязан учитывать возрастные особенности своих воспитанников. В раннем детстве и подростковом возрасте речь преимущественно должна идти «о подвигах, о доблестях, о славе». Но по мере взросления юношества мы должны быть готовы обсуждать с ними трудные вопросы, не утаивая того, что мучает нас самих. Только тогда появляется надежда вырастить людей, способных взять на себя ответственность за прошлое, настоящее и будущее своей страны.

— Уточняю: всё-таки всё зависит от позиции взрослых, педагогов, набравшихся мужества, вопреки препятствиям, выполнять свою воспитательную миссию.

— Да, и это сегодня главное звено. Проблема в том, что мы сами не в достаточно хорошей форме. Я полностью согласен с позицией Г.С. Померанца. Пройдя войну, в свои девяносто с лишним лет он демонстрирует поразительную точность оценок:

«Мы до сих пор не сумели отделить от тени кровавого деспота народные подвиги при обороне Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда, Тулы и безымянные подвиги бойцов, погибших на своём рубеже, и беспечную удачу танкистов, сделавших ненужной атомную бомбу в Европе. И вот до сих пор мы толчемся между правдой и кривдой, между чувством вины соратников Сталина и чувством гордости победителей Гитлера. А без нравственной ясности нельзя бороться с гнилью, разъедающей наше общество, и нельзя отбросить признаки прошлого, за которыми прячутся цинизм и бесстыдная ложь». **В.Ш**